

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
КРИТИКИ И БИБЛИОГРАФИИ

ВЫХОДИТ С ЯНВАРЯ 1973 г.

ОРГАН СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Главный редактор — Юрий СУРОВЦЕВ.

Редколлегия:

Гурам АСАТИАНИ, Вадим БАРАНОВ, Чингиз ГУСЕЙНОВ, Сергей ДАРОНЯН, Валерий ДЕМЕНТЬЕВ, Игорь ДЗЕВЕРИН, Николай ЗАДОРНОВ, Георгий ЗЛОБИН, Мухамеджан КАРАТАЕВ, Лазиз КАЮМОВ, Зоя КЕДРИНА, Кирилл КОВАЛЬДЖИ, Виталий КОРОТИЧ, Феликс КУЗНЕЦОВ, Валентин ОСКОЦКИЙ, Михаил ПАРХОМЕНКО, Никифор ПАШКЕВИЧ, Георгий РАДОВ, Всеволод РЕВИЧ (ответственный секретарь), Михаил СИНЕЛЬНИКОВ, Миколас СЛУЦКИС, Валентин ХМАРА (заместитель главного редактора), Аркадий ЭЛЬЯШЕВИЧ, Лев ЯКИМЕНКО.

2

ФЕВРАЛЬ
1975

В дни, когда отмечалось 250-летие Академии наук СССР, гостями Москвы были ученые одного из академических институтов Ленинграда — Пушкинского дома.

Встреча состоялась в Политехническом музее. Среди выступавших на ней был и руководитель Сектора древнерусской литературы Пушкинского дома, академик Дмитрий Сергеевич Лихачев. Д. С. Лихачев говорил о трудах своих коллег; о дискуссиях по «средам», собирающим немалую аудиторию; о выездных сессиях отдела, состоявшихся во Пскове, в Петрозаводске, в городах, где педагогические институты и музеи стали местными центрами по изучению древнерусской культуры; о поездках за рукописями на Север и в Среднюю полосу России, на Кубань и Кавказ...

Современность древнерусской литературы — вот

основной мотив речи акад. Д. С. Лихачева, упомянувшего, что близится иная дата — тысячелетие литературы русской. Тысячелетие, как создана «Речь философа» — первое ее творение. Тысячелетие, из которого семь веков принадлежат периоду «древней» литературы.

Дата, о которой в будничной суете мы, естественно, забываем, побудила в тот вечер подойти к Д. С. Лихачеву. А потом искать ответ на возникшие вопросы в его книгах, знакомых каждому филологу со студенческих лет, и в статьях, недавно опубликованных. Выступления эти остро злободневны. Так же злободневны, как обретающая все большую эстетическую, теоретическую и политическую значимость, все менее «древняя» русская литература.

Итог московских и ленинградских встреч с академиком Д. С. Лихачевым, с его трудами — публикуемая беседа.

СОВРЕМЕННОСТЬ ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Беседа специального корреспондента «ЛО» М. КОРАЛЛОВА
с академиком Д. С. ЛИХАЧЕВЫМ

КОРР. Дмитрий Сергеевич, мне хотелось бы начать с главного мотива ваших последних выступлений — с мысли о современности древнерусской литературы. «Современность» истолковывают по-разному, зачастую крайне неопределенно, — оттого важно понять ваш подход к этой проблеме.

Д. ЛИХАЧЕВ. Вы правы, в это понятие нередко вкладывают очень разный смысл. Мне ближе трактовка, вытекающая из убежденности и веры, что у культуры нет могил. Культура человечества движется вперед, накапливая ценности, а не уходя от этих ценностей по «дорогам времени». Ноша культурных ценностей — ноша особого рода. Она не утяжеляет наш шаг, а облегчает. Чем большими ценностями мы уже овладели, тем легче овладеваем новыми, тем острее и точнее восприятие культур, удаленных от нас во времени и пространстве. «Преодоление расстояний» — это задача не только современной техники и точных наук, но и филологии в широком смысле слова. Филология тоже преодолевает расстояния в пространстве, изучая словесную культуру других народов, и во времени, изучая словесную культуру ушедших веков. Филология сближает человечество — современное нам и прошлое. И сближает не путем стирания различий в культуре, а научно осозная эти различия; не путем уничтожения индивидуальности культур, а на основе уважения, терпимости к их индивидуальности. Филология воскрешает людей для людей же. Повторяю, для нее нет могил — она открывает жизнь и воскрешает.

КОРР. А теперь позвольте поставить вопрос конкретнее, Дмитрий Сергеевич: в чем вы видите современность именно древней русской литературы?

Д. ЛИХАЧЕВ. Чем дальше, тем относительно, условней, на мой взгляд, звучит это определение — «древняя». Что это, собственно, такое — «древность»? Очевидно, то, что значительно отдалено от нас временем.

«Древний мир» — это античность, «древняя» русская литература — это ее XI—XVII века. Но попробуем отвлечься от нас самих и считать не годы, отдаляющие нас от предмета, которым мы занимаемся, а только те, которые этот предмет изучения прожил сам. Тогда русскую литературу XI—XII веков придется, пожалуй, отнести к младенческому периоду, а всю «древнюю» русскую литературу считать молодой. Жизнь есть жизнь, и она не течет в обратном направлении.

Определение «древняя» условно и в другом смысле. Литература, живопись, культура в целом обречены оставаться «древними», если наш подход к ним поверхностен, если их усвоение подсказано чисто внешними причинами. Такое усвоение не приближает, а заслоняет старую культуру. Совсем иное дело, если наш подход к художественной культуре прошлого глубок, а ее исследование всесторонне. Видение и ведение тогда идут рука об руку.

КОРР. Но тогда еще вопрос, который напрашивается не только логически; он выдвигается сегодня как стержневой и в политическом и в эстетическом смысле. Какое содержание вкладываете вы во вторую часть единого понятия «древняя русская литература»? Или иначе — в чем видите вы национальное своеобразие русской литературы XI—XVII веков?

Д. ЛИХАЧЕВ. Я был бы огорчен, если бы только «вкладывал содержание», всю жизнь я пытаюсь его извлечь.

Так вот, много раз стремясь ответить на «стержневой» вопрос — в чем корни и природа национального своеобразия, — я убедился: дело не в каких-то постоянных признаках содержания и формы, которые отличают одну национальную литературу от другой. Для определения национального своеобразия литературы важны не только стабильные моменты и ее общая характеристика. Важны не только черты, присущие литературе как таковой, но и положение ее в культуре страны, взаимосвязь ее со всеми другими сферами человеческой деятельности. Особенности исторического пути литературы многое объясняют в ее национальном своеобразии и сами являются частью этого своеобразия.

Попробую эти общие положения подкрепить конкретными наблюдениями над историей России и русской литературы.

Прежде всего русская литература — часть русской истории. Она и отражает русскую действительность и составляет одну из ее важнейших сторон. Путь России, подобно путям других народов, проложен общими законами развития человеческого общества. А в своем «нормальном» развитии народы, как доказал марксизм, проходят через стадии античности (соответствующей рабовладельческой формации), средневековья (соответствующего феодализму) и Возрождения (соответствующего ранней стадии развития капитализма). Не буду касаться сейчас других эпох в истории культуры, но готов подчеркнуть, что перечисленные эпохи общи всем народам, проходящим «полный», «нормальный» путь исторического развития. Когда же отдельные народы минуют ту или иную историческую стадию, преодолеть разрыв помогает опыт других народов; это хорошо показано Н. И. Конрадом в его книге «Запад и Восток».

Русь миновала рабовладельческую формацию и потому не знала античной стадии культуры (до сих пор этот огромной важности исторический факт не был достаточно осмыслен историками Древнерусской культуры). От общинно-патриархальной формации восточные славяне совершили быстрый переход непосредственно к феодализму. Русь получила византийский культурный опыт в «адаптированном» Болгарией виде. Очень существенное значение имел многонациональный характер перенесенной к нам византийской культуры, создававшейся в районах Средиземного и Черного моря от Кавказа на Востоке до Сицилии и Венеции на Западе. Древнеболгарская культура X века, положившая начало собственно болгарской, также не была узконациональной. Проповедь Кирилла и Мефодия была обращена ко всему славянству. Личность Кирилла-Константина, знавшего, помимо болгарского и греческого, латинский, еврейский и арабский языки, посетившего немало стран, в том числе Сирию, Крым, хазаров; личность Мефодия как нельзя лучше соответствовали не только их личной исторической миссии, но общеславянской миссии всей древнеболгарской культуры. Почва Болгарии была напоена культурными соками античной Греции и Рима, фракийских и других племен Европы и Азии. В Болгарии скрещивались пути военных походов и дороги переселения народов, уже в силу своего географического и этнографического положения она не могла иметь резко обозначенных национальных границ. Древнеболгарская литература стала посредницей в знакомстве всех других южно- и восточнославянских литератур с культурой Византии, посредницей и между всеми православными славянскими народами. Вплоть до XVIII века у народов православного славянства существовала общая литература и общий литературно-церковный язык, древнеболгарский по своему происхождению.

«Интернационалистские» традиции передались и в древнерусскую литературу. Последняя также была способна осознавать интересы человечества и всего христианства, восприняла этот же болгарский и «византийский» дух. Впрочем, не меньше оснований назвать его «общеευропейским» и общечеловеческим, ведь речь идет о мировом законе: национальные литературы никогда не развивались в одиночку, в изоляции друг от друга. И русская литература, рожденная тоже, конечно, внутренними потребностями, была с самого начала связана с литературами южно- и западнославянскими; в ее состав входили произведения, общие литературам Европы. Я имею в виду не только общехристианские (священное писание, сочинения отцов церкви, жития святых...), но и такие «светские» произведения, как «Александрия», «Троянская история», «Физиолог», «Шестоднев» и др. Примечательна и общность жанров. В литературе Руси, так же как в странах средневековой Европы, утвердились хроники, повести, сборники изречений и т. д. Еще более важно, что связи русской литературы неуклонно расширяются в XV, XVI, XVII веках. В сферу общения входят Кавказ и Италия, Польша и Чехия. Исключительное, далеко еще недооцененное значение имела общность развития с Украиной и Белоруссией. Это развитие происходило своеобразно: все интенсивнее развивалось национальное своеобразие каждой из этих братских стран и одновременно все интенсивнее и теснее становился обмен опытом, общность многих явлений и даже произведений. А в XVIII веке в сферу русского литературного опыта входят Германия и Франция, Голландия и Англия. Идет и расширение хронологических границ: в традиции отечественной словесности все более входит античность. В XIX веке происходит новый пересмотр и расширение границ: хронологических, географических. Сейчас у нас фактически нет непреодолимых стен — ни национальных, ни временных.

Возникает, однако, другой вопрос, чрезвычайно важный: не теряются ли при этом расширении мирового опыта национальные особенности литературы?

Глубоко ошибочно представление, что национальные особенности, поначалу сильные, с течением веков стираются, что национальные особенности с самого начала существуют в древности и в недрах фольклора. Наоборот. Древняя русская литература накапливала национальные особенности. Фольклор тоже формируется. Он не неподвижен. Национальное содержание в нем растет и развивается. И в пору образования русской нации, в XVII веке, процесс этот достиг своего апогея. Затем он шел неровно. Какие-то стороны литературы по мере расширения литературного горизонта действительно звучали глуше. Но в чисто художественном отношении литература не теряла своих национальных особенностей. Она углубляла их и усложняла. Если прежде национальное своеобразие каждой литературы имело ценность прежде всего для нее самой, то впредь оно должно стать ценностью мирового порядка, опытом всех литератур.

Напомню ленинские «Тезисы по национальному вопросу»: «социализм целиком интернационализирует» национальную культуру, беря «из каждой национальной культуры исключительно ее последовательно демократические и социалистические элементы» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 314—322).

КОРР. В последнее время, Дмитрий Сергеевич, в нашем литературоведении и критике обострился интерес к проблеме прогресса в литературе. В свете сказанного вами о развитии русской литературы, на

деюсь, оправдан вопрос о вашем понимании прогресса в искусстве. Как соотносится эта идея с судьбами русской литературы?

Д. ЛИХАЧЕВ. Обычно судят о прогрессе в искусстве, считая вехами появление гениев: Данте, Шекспир, Гете, Пушкин. Но тогда создается впечатление, что прогресса нет: ведь гений Гомера едва ли уступает талантам современных писателей. Между тем прогресс в искусстве несомненен, если исследовать возможности, открываемые перед искусством эпохой. Эти возможности возрастают, предъявляя к творчеству все большие требования. Сочетание роста возможностей с ростом требований, предъявляемых к искусству, создает немалые сложности. Прогресс в литературе не прямолинеен, иногда отстает от общей линии развития, а иногда опережает.

Подробнее о линиях прогресса в литературе я писал в статье «Будущее литературы как предмет изучения» («Новый мир», 1969, № 9). В целом же на тысячелетнем пространстве русской литературы шел очевидный процесс усложнения и развития.

КОРР. Ваша трактовка прогресса в искусстве, так же как национального своеобразия, подготавливает другой вопрос: какова общественная роль русской литературы? Можно ли, Дмитрий Сергеевич, говорить о национальной специфике этой роли?

Д. ЛИХАЧЕВ. При обязательном условии: оставаясь на конкретно-исторической почве, а не так, как зачастую говорят — подменяя факты слишком общими и скорее риторическими, чем историческими рассуждениями.

Древняя Русь XI—XIII веков, несмотря на свои большие размеры, а может быть, отчасти именно вследствие этих размеров, не имела достаточно прочных внутренних связей. Экономические, в частности, торговые связи были слабы. Еще слабее было военное положение страны, раздираемой усобицами князей, которые начались сразу же после смерти Владимира I Святославича и продолжались вплоть до татарского завоевания. Роль идеологии оказалась в этих условиях очень велика. Чтобы удержать единство Руси, требовались высокая общественная мораль, чувство чести, самоотверженность, развитое патриотическое самосознание и высокий уровень словесного искусства — летописей, церковной проповеди, политической публицистики. Поражающей особенностью русской литературы этого периода является сознание единства всей Русской земли без каких-либо племенных и областных различий.

Иначе говоря, на литературу и другие искусства в древней Руси выпала ответственнейшая роль — поддержать тот скачок, который произошел в результате пропуска античной стадии развития. И уровень искусств ответил уровню общественной ответственности, которая выпала на их долю.

Но когда в XIV и начале XV века в России создались социально-экономические условия для возникновения Преренессанса и этот Преренессанс действительно возник, он в историко-культурном отношении был сразу же поставлен в своеобразные и невыгодные условия. Роль «своей античности» была возложена на Русь домонгольскую, Русь периода ее независимости. Литература конца XIV—XV веков обращается к памятникам XI—начала XIII века. Ориентируясь на них, она вторит «Слову о законе и благодати» митрополита Илариона, «Повести временных лет», «Житию Александра Невского», повестям о нашествии Батые и, самое главное, «Слову о полку Игореве» (в «Задонщине»). В зодчестве замечается аналогичное обращение к памятникам XI—XIII веков (в Новгороде, Твери, Владимире). То же в живописи, то же в политической мысли (стремле-

ние возродить политические традиции Киева и Владимира Залесского). То же в народном творчестве (формирование Киевского цикла былин). Но поскольку все это недостаточно для Предвозрождения, особое значение обретают связи со странами, пережившими античную стадию культуры — с Византией и южными славянами. Вступив на общий путь развития человечества в X и XI веках, не прерывая связи с европейской литературой даже в годы татаро-монгольского ига, восточное славянство вместе с южным и вместе с Византией неизбежно идет к Предвозрождению. В восприимчивости русской литературы конца XIV — начала XV веков к иноземным влияниям — отклик ее на потребности общественного развития.

Но Предвозрождение не Возрождение. Оно, конечно, связано с развитием индивидуализма, с представлением о ценности человеческой личности, но совершается пока в пределах религиозного сознания (Франциск Ассизский на Западе, учение Григория Паламы в Византии).

Характернейшая черта Предвозрождения, а затем, в еще большей мере, Возрождения — историзм мысли. Он органически связан с открытием ценности человеческой личности и с особым интересом к прошлому. Понимание мира как истории соединено с антропоцентризмом; идея исторической изменчивости мира — с интересом душевной жизни человека, с динамизмом стиля, с восприятием мира во времени и в движении; именно теперь некий «сербин» устанавливает в Москве первые городские часы, а архиепископ Ефимий в Новгороде строит «часозвоню».

Преренессанс сказался в изобразительном искусстве прежде всего в творчестве Феофана Грека и Андрея Рублева. Два резко различных художника, они характерны именно для Преренессанса, когда личность вступает в права и несхожесть художественных индивидуальностей становится типичным явлением эпохи. В литературе Преренессанс сказался слабее. Он не перешел в Ренессанс, так как города-коммуны (Новгород, Псков) погибли, а в борьбе с ересями победила церковь. Связи с Византией ослабели из-за ее падения, Флорентийская уния обострила недоверие к странам католичества. Создание централизованного государства отнимало все духовные силы, и в XVI веке в литературе появились пышные официальные стили, лишенные подлинно творческих потенций.

Русская литература знает два замедления в своем развитии. Первое из них было следствием борьбы с ересями и попыток правительства Грозного направить развитие литературы по пути больших «обобщающих предприятий», если воспользоваться выражением акад. А. С. Орлова. К ним А. С. Орлов отнес знаменитый «Стоглав», «Домострой», «Лицевой летописный свод» Грозного, «Великие Минеи Четьи» митрополита Макария, «Степенную книгу», даже создание первопечатного «Апостола». Централизованное и сильное государство, уничтожая областничество и «обобщая» культуру, стремилось подчинить своим интересам все виды творчества. Я. С. Лурье, открывший это первое «замедление», подметил, что в XVI веке беллетристика, собственно литература, отходит на второй план и в рукописях этого времени исчезает развлекательная тема.

И все же государство не было всесильным. Оно не могло подчинить себе всю деятельность авторов и писцов. Его инициатива в создании новых произведений была сильнее, чем возможности контроля над старой и текущей письменностью. Так впервые создается резкое разделение литературы — на официальную и неофициальную. Официальная закрепляет существующее в пышных формах и грандиозных раз-

мерах, неофициальная тоже втянута в ход государственного строительства: обсуждает все темы общественной жизни, предлагая реформы, приобретает публицистический, широко-социальный характер. Если официальная литература пытается пышностью, масштабностью, вообще всеми путями оправдать существующее и утвердить авторитет грандиозной мирозерцательной системы, перед которой бесплодны усилия отдельных людей, то литература неофициальная стремится сделать предметом обсуждения любые государственные вопросы, требует подчинения доводам разума всего существующего в социально-государственной жизни.

Несмотря на противоположность идейную, жанровую, стилистическую, значение обеих областей литературы было огромным и ее общественное место возросло необычайно. Как бы ни были противоположны их позиции, они принадлежали одной эпохе, были в равной мере для нее характерны и составляли как бы единую систему. Исподволь занимает все большее место в литературе и личность писателя. Появляется точка зрения не того или иного учреждения, социальной или местной группы (скажем, митрополичья, боярская, новгородская), но личная точка зрения Иосифа Волоцкого, Пересветова, Сильвестра, Макария, Ивана Грозного, Курбского и мн. др. Подчиненные классовым позициям, эти точки зрения при всем том оставались личными точками зрения писателей и требовали индивидуальных стилей.

Во второй половине XVI века развитию литературы препятствовал террор. Число произведений резко уменьшилось. Но это «первое» замедление имело и более широкие последствия, явившись преградой для такой необходимой стадии в развитии духовной культуры, как Ренессанс (в XVII веке русскому Барокко пришлось принять на себя многие функции Ренессанса и переменить свой характер).

Надо видеть различие между этим первым замедлением и вторым, происшедшим при Петре. Петровская эпоха не дала великой литературы, гениальных зодчих и живописцев. Но этот перерыв в развитии гораздо короче, чем в XVI веке. И природа его другая. Эпоха Грозного — эпоха искусственно оборванного развития литературы. Эпоха Петра — творческая. Она была остановкой перед прыжком, когда силы науки поглощало государственное строительство, наука и техника. Петровская эпоха подготовила появление нового типа литературы. После прыжка литература развивалась ускоренно, убыстренно.

Подчеркнув различие между эпохами и веками, я думаю, можно позволить себе и общий взгляд на тысячелетие. Как целое, как система произведений и жанров русская литература во всех ее формах и проявлениях идет на детальное сближение с действительностью, чему сопутствует освобождение от чисто деловых и церковных задач. Литература как бы завоевывает свое собственное поле действия, выходит целиком в сферу художественности, становится литературой в собственном смысле слова и, значит, свободнее, вернее отражает жизнь. Эмансипируясь, она одновременно завоевывает положение в духовной жизни общества. Следовательно, рост общественного значения литературы связан с расширением ее социального охвата, социального круга авторов и читателей. С тем, что призванная к тому нуждами русской действительности, русская литература уже у истоков своих определилась как высокопатриотическая, с обостренным национальным самосознанием и одновременно — заботой о судьбах всего мира, а не только русского народа. Можно сказать: в том, что патриотическая русская литература донесла до нового времени заботу об общих судьбах человечества, состоит национальная специфика ее

общественной роли, специфика, порожденная самой действительностью.

КОРР. Дмитрий Сергеевич, в ваших работах последнего десятилетия по-прежнему — если не острее, чем раньше, — ощутим детерминизм философско-исторической концепции. «Острее» — так как сегодня наши историки и литературоведы совсем нередко проявляют склонность к эмпирике, свободной от суровых схем. Уплатив некогда дань вульгарной социологии, эти исследователи словно предпочли отсутствие социологии. Иной раз видишь, что вкус к ней притуплен безнадежно, потерян, оттого, наверное, и воспринимаешь острее социологически четкие грани Вашей истории и теории древнерусской культуры. К примеру, то место в книге «Развитие русской литературы X—XVII веков. Эпохи и стили» (Л., «Наука», 1973), где вы подчеркиваете, что восточное славянство, не прервавшее связей с литературой Европы даже в годы татаро-монгольского нашествия, неизбежно должно было вместе с Византией и южным славянством прийти к Предвозрождению. Или другое место — об итальянском Возрождении, о классичности смен формаций и стадий исторического развития на Апеннинском полуострове. «Не будь здесь античности и средневековья, — замечаете вы, — не было бы и итальянского Возрождения, ибо одним напряжением сил, не направляемым предшествующими стадиями исторического развития, Возрождение не могло бы быть создано (нечего было бы «возродить» или пришлось бы обращаться к чужой античности)». И дальше — уже о русской литературе XVI века, о ее «незаметной для современников общей предопределенности: эта литература в большей мере, чем прежние, «чревата будущим», она чревата неизбежностью Ренессанса».

Вместе с тем в Ваших трудах сочетается настойчиво-жесткий детерминизм со столь же решительным признанием роли личного начала. Вы завершаете статью «Своеобразие исторического пути русской литературы X—XVII веков» («Русская литература» № 2, 1972) словами, которые я приведу для читателя. В предпоследнем абзаце, где речь идет о сравнительно поздней эмансипации человеческой личности в России, о поздней секуляризации отечественной литературы, сказано: «Развитие личностного начала совершалось с большим трудом, и только во второй половине XVIII века позволило русской литературе достичь уровня других литератур нового времени».

Не могу не сослаться также на книгу «Художественное наследие Древней Руси и современность», написанную в соавторстве с В. Д. Лихачевой. К цитированным уже отрывкам, по-моему, примыкают строки: «Авторское начало было приглушено в древнерусской литературе. В ней не было ни Шекспира, ни Данте. Это хор, в котором совсем нет или очень мало солистов и в основном господствует унисон. И тем не менее эта литература поражает нас своей монументальностью и величиим целого».

Я бы не развивал тему «детерминизм — роль личности» столь пространно, если бы не был уверен, что соотношение свободы и необходимости, субъекта и объекта — методологическая проблема первостепенной важности для всей критики, для всего литературоведения с той поры, как они существуют. Именно Ваш подход как историка древнерусской литературы, по-моему, принципиально важен, а потому и комментарий к этой теме был бы в высшей степени интересен.

Д. ЛИХАЧЕВ. Я писал уже, что в истории древнерусской литературы отличия друг от друга мелких периодов до сих пор были виднее, чем своеобразие и значение целых эпох. Когда речь идет о десятилет-

тиях, на первый план выступает зависимость историко-литературных изменений от исторических событий, а когда счет ведется на века и эпохи, раскрывается зависимость литературы от особенностей исторического развития в целом. История литературы, которая исследует эпохи и периоды, имеет дело с миллионами фактов и явлений. Она обращается не к микрообъектам, а к целым ансамблям микрообъектов. Семь веков древнерусской литературы являются поэтому превосходным опытным полем для проверки теоретико-литературных принципов, своего рода полигоном для пристрелки методологических идей. Я не сомневаюсь, что теоретическая история древнерусской литературы — ее построение назрело — откроет новые возможности для исследований и тех кардинальных вопросов, которые Вы сейчас назвали.

Да, отсутствие таких имен, как Шекспир и Данте, на первый взгляд, кажется приговором древнерусской литературе: ведь мы обычно исходим из представлений, воспитанных веками свободы человеческой личности. Между тем древнерусская литература ближе к фольклору и народному искусству, в которых личная одаренность творца замкнута в рамках традиции. Мы восхищаемся народным шитьем, но среди безымянных мастериц этого шитья разве найдешь того, кого можно уподобить Джотто или Чимабуэ, Рембрандту или Веласкесу? Встречаются талантливые сказители, но гениальных сказителей не бывает.

Правда, в древнерусской живописи мы знаем имена Рублева, Феофана Грека, Дионисия и его сыновей. Но их эпоху мы называем Предвозрождением. Личность уже начинает в ту пору играть заметную роль, и не только личность художника, но и писателя. Крупных писательских имен в древней Руси тоже немало. И все же ее литература, подобно народному творчеству, была искусством скорее индивидуальным, сила которого в коллективном опыте, в мудрости традиций.

Древнерусские писатели не зодчие отдельно стоящих зданий, а градостроители. Они работали над общим и грандиозным ансамблем, обладая замечательным «чувством плеча», создавали циклы и своды произведений, в свою очередь, слагавшихся в единое здание литературы. Это своеобразный средневековый собор, в строительстве которого принимали участие тысячи вольных каменщиков, с их подвижниками, переезжавшими из страны в страну артелями, позволявшими использовать опыт всего европейского мира в целом. Пышность собора противостоит бедности «земных жилищ» простых горожан. Его росписи отвлекают от будничных забот, напоминают о вечности. Но это творение рук человеческих, и рядом с ним горожанин чувствует не только свою ничтожность, но и силу человеческого единства.

Постепенно в искусстве возрастает личностное начало, а вместе с ним и степень свободы. XVII век, например, стал веком необычайной пестроты литературных жанров. Наряду со средневековыми жанрами, предназначенными для употребления в церковном, государственном и частном обиходе, возникают новые жанры, рассчитанные только на индивидуальное чтение; наряду с подлинными дипломатическими посланиями появляются послания «подложные», развлекательные по своему назначению (переписка Ивана Грозного с турецким султаном, вымышленные «статейные списки» Сугорского и Ищеина). Возникают сатирические жанры, книжные подражания фольклору, пародии на судебные процессы («Повесть о Шемякином суде»), мемуарная литература и литература автобиографическая.

Но даже в литературе XVIII века «необходимость» сильнее «свободы» из-за классицистических правил, требований единства, строгого различения уровней ли-

тературного языка («учение о трех стилях»), иначе говоря, из-за недостаточности развития индивидуального начала.

Бунтовщически порвав с регламентациями классицизма, романтизм значительно расширяет сектор свободы. Ее «степени» резко возрастают в реализме.

И еще один момент. «Сектор необходимости» особенно велик в литературах отстающих, которым нужно догонять другие. Необходимость возрастает на «догонах», облегчая их, как облегчает путь лыжня, проложенная идущим впереди. А при прокладывании новых путей, естественно, возрастает увеличение «сектора свободы», увеличивается необходимость творческого выбора, движение вперед становится более трудным. Увеличение «сектора свободы» — условие движения литературы вперед. Переход из положения «догона» в положение лидирования обязывает к резкой перестройке всего движения на началах свободы.

Вместе с тем свобода и необходимость не могут существовать друг без друга. Свобода — это преодоление, вернее, постоянное преодоление необходимости, а необходимость — это постоянное ограничение возможностей свободы. Оттого нарастание «степеней свободы» не может привести к «абсолютной свободе». Позволю себе привести аналогию. Разбросанные цветы не составляют букета, но его не составить, если их спрессовать вместе, в единый ком.

Очевидно, для каждой эпохи в диалектическом единстве свободы и необходимости существует свое оптимальное соотношение двух этих секторов. Если же говорить об историко-литературном процессе в целом, то увеличение «сектора свободы» и постепенное ограничение «сектора необходимости» — факт несомненный. Так же как изменение самых форм необходимости, которые становятся все более сложными и «глубинными». Скажем, слепая традиционность литературных форм уступает место осознанному эстетическим представлениям, диктующим поиски новых форм с учетом всего опыта литературы. Необходимость, будучи осознанной, пронизывается свободой. Этот процесс виден и в таком явлении, как социальная обусловленность литературы. Зависимость идейной позиции автора от его социального положения более отчетлива в средневековой литературе, чем в новое время.

Еще одна аналогия: прогресс в области развития живых организмов предполагает их усложнение, достижение ими все более целесообразной и развитой организованности. Так же и социальная детерминированность литературы. Она не уменьшается, а становится все более сложной и опосредствованной.

КОРР. Диалог завершается, а вопросов осталось столько, что хоть начинай сначала. Проблема, связанная с предыдущими и, по-моему, настолько важная, что грешно ее упустить, — это проблема Времени. Собственно, главный и современнейший герой «Поэтики древнерусской литературы» — Время, точнее, понятие художественного времени, которым литература овладевала постепенно, на протяжении столетий. В фольклоре оно еще «замкнуто», его начало и конец совпадают с началом и концом произведения; в литературе средневековой оно еще сковано своей «однонаправленностью», запрещающей повествованию забегать вперед и возвращаться назад. Я не пересказываю, конечно, «Поэтику» Вам, автору, а лишь пытаюсь рассказать читателю о «революции времени», которая, как показано Вами в «Поэтике», распространялась с боями, проникая в плоть и кровь искусства. И о том, как в разобщенной на княжества Древней Руси «местное» время летописи противилось и уступало в упорной схватке «единому», общерус-

скому, связанному с централизацией и утверждением государственности...

Конкретная деталь. В книге Вы разъясняете, Дмитрий Сергеевич, что «Житие протопопа Аввакума» потрясает нас своей современностью, в частности по той причине, что в его повествовании есть временная перспектива. Аввакум видит свое прошлое из настоящего, из земляной тюрьмы, где пишется «Житие», ему нужно прошлое, чтобы объяснить настоящее, и обращено оно главным образом к будущему, откуда протопоп страстно ждет награды и кары — «у бога все в расчете». И затем от «Жития» совершает переход к разделу «Судьбы древнерусского художественного времени в литературе новой», к разделу, герои которого — Гончаров, Достоевский, Салтыков-Щедрин. Именно «древнерусский» ракурс придает Вашим наблюдениям над «нравописательным» временем в «Обломове», над «летописным» временем в «Подростке», «Идиоте», «Бесах»... значение принципиально нового открытия. Нельзя ли бросить взгляд на «деревенскую», «историческую» — на Ваш выбор, Дмитрий Сергеевич, — современную прозу, сохраняя «древнерусский» ракурс?

Д. С. ЛИХАЧЕВ. Вы, вероятно, подумали, что я ценю больше всего те произведения, где сильнее всего называются «древнерусские начала»? О нет. Древнерусская система литературы хороша только в древнерусской литературе. В современной советской литературе я больше всего ценю ее наиболее современную часть: нашу деревенскую прозу — Ф. Абрамова, В. Белова и недавно умершего Е. Дороша. Каждый из наших «деревенщиков» очень индивидуален и очень далеко ушел от древнерусских традиций, в частности, и в области своего художественного времени. Художественное время в современной «деревенской» прозе очень широко: каждый из авторов смотрит на описываемые события в аспекте столетий. В частности, именно так, с позиций историка тысячелетней России смотрит на современную деревенскую жизнь Е. Дорош.

Впрочем, это не значит, что я не ценю в советской литературе других ее «направлений»: прозу биографическую или прозу, посвященную научно-техническим проблемам: «Эту странную жизнь» Д. Гранина, например. Мне мало приходится ездить, и я с особым удовлетворением читаю такие книги, как книги Л. Воронихиной о Лондоне и Эдинбурге (в серии «Города и музеи мира») или книгу В. Прокофьева «По Италии». Эти «непрофессиональные писатели» — превосходные прозаики. Жалею, что современная искусствоведческая проза, всегда отличавшаяся в России большой высотой, в целом сейчас очень старомодна, а порой безвкусна, раздражает своими штампами.

КОРР. Сознаю, Дмитрий Сергеевич, надо подводить итоги. Если это возможно, наметьте вкратце, пусть в самой общей форме: что сделано, что делается, что предстоит сделать в избранной Вами области литературной науки?

ЛИХАЧЕВ. Отвечая на первую часть вопроса — естественно, в самой общей форме, — я вынужден буду вспоминать широко известное: труды Буслаева, Александра Веселовского, успехи мифологического и сравнительного литературоведения. Кстати сказать, я не склонен делить литературоведение на академическое и неакадемическое. Ведь в Академию наук избирались ученые, которые что-то уже сделали и вряд ли существенно менялись после избрания.

Я не берусь сейчас оценивать и вклады дореволюционных школ и направлений. Каждое из них было в той или иной степени исторически оправдано, необходимо, даже если вскоре оказывалось исчерпанным, а теперь неприемлемо.

Сказанное относится и к самому молодому из нынешних направлений — к семиотике. Ее заслуга уже в том, что она вновь объединила лингвистику и литературоведение, которые раньше объединяли акад. В. В. Виноградов и акад. В. М. Жирмунский. Если семиотика не в состоянии подменить и тем более поглотить иные аспекты исследования (скажем, биографический и текстологический), то это вовсе не означает, что семиотика неплодотворна. Ее принципы получили подтверждение в самых разных сферах науки, техники, вплоть до организации уличного движения. Это широкая наука... Но Вы уж простите меня, я вернусь к работам Сектора древнерусской литературы Пушкинского дома. Каждый из его десяти сотрудников — пяти докторов и пяти кандидатов наук — является автором книг или по меньшей мере книги. Перечислить все труды здесь невозможно. Назову лишь имена сравнительно молодых исследователей: А. Панченко, О. Творогова, О. Белобровой, Л. Дмитриева, Р. Дмитриевой, М. Салминова, Н. Дробленковой — и, пожалуй, самых известных: В. Малышева, Я. Лурье... Поверьте, кое-что делается и в нашем Древнерусском секторе Пушкинского дома и, скажем, в Новосибирске, где под руководством Н. Покровского совершается знаменательное археографическое открытие Сибири как великого «живого» хранилища рукописей.

И здесь нельзя не назвать наших «маститых» (своими трудами, но не годами) сибирских археографов: Е. Ромодановскую и Е. Дергачеву-Скоп.

Но как бы долго я ни перечислял сейчас успехи, они капля в море по сравнению с тем, что предстоит и что необходимо сделать.

По далеко не полному исчислению акад. Н. К. Никольского, количество рукописных книг XI—XVIII веков, собранных в одних только крупнейших архивах страны, составляет примерно 80—100 тысяч. На каждую же рукописную книгу приходится в среднем от 15 до 20 рукописных статей. Иными словами, количество списков древнерусских сочинений — от 1 200 000 до 2 000 000.

По картотеке Н. К. Никольского алфавитный список русских авторов и их сочинений составляет 9 220 единиц. Добавьте список анонимных сочинений — 2 360 единиц. И еще список славянских авторов и их сочинений — 1 560 единиц, греческих переводных — 11 200. И это лишь по неполным данным картотеки Н. К. Никольского! Но есть еще, например, «Словарь русской, украинской, белорусской письменности и литературы до XVIII», подготовленный И. У. Будовницем (М., 1962) и теперь, безусловно, требующий переиздания. Он нужен буквально всем историкам СССР, археографам, литературоведам.

Как ни обиден сохранившийся рукописный материал, еще больше его погибло. Общая картина древнерусской письменности чрезвычайно искажена случайными и намеренными, стихийными и организованными уничтожениями рукописей. Степень разработанности рукописного наследия незначительна, и акад. Н. Никольский имел основание писать в «Памятниках древней письменности и искусства» («Ближайшие задачи изучения древнерусской книжности», т. CXLVII, СПб., 1902) и позднее, в 1929 году, что уровень исследования древнерусской письменности сходен с тем уровнем, «на каком происходила разработка истории западноевропейской и византийской литератур приблизительно в первой половине XVII века, когда для нее не был еще собран и систематизирован фактический материал, необходимый для воспроизведения ее прошлого и для синтетического его освещения».

При всех необходимых сегодня поправках к мне-

нию, высказанному в 1929 году, сбрасывать это мнение со счетов в 1974 году, к сожалению, не приходится. Задача, которую предстоит решать, потребует еще долгих лет, громадных усилий и энтузиазма: многие хронографы, «Измарагд», «Великие Четы-Миней», хроника Манассии, «Елинский римский летописец», даже сочинения протопопа Аввакума полностью не изданы...

КОРР. И, наконец, последний вопрос — лично о Вас, Дмитрий Сергеевич. Из книги С. Г. Корнеева «Советские ученые — члены иностранных академий и университетов» я узнал, что Вы почетный доктор Торунского (Польша), Оксфордского и Эдинбургского университетов, член Австрийской, Болгарской, Венгерской, Сербской Академий наук. Не менее интересно, какие из Ваших книг переведены и перепечатаны за границей. Интересно не с точки зрения праздного любопытства. Признание Ваших заслуг за рубежом, внимание к Вашим книгам в других странах позволяет судить о восприятии древнерусской литературы, о мировом резонансе отечественного литературоведения, иначе говоря, о том, как на древней почве идет вполне современная битва идей.

Д. ЛИХАЧЕВ. Ну что ж, отвечу и на последний вопрос.

«Национальное самосознание древней Руси», «Культура Руси эпохи образования русского централизованного государства», «Русские летописи», «Текстология», «Поэтика древнерусской литературы», «Человек в литературе древней Руси». Сборник моих статей вышел в ФРГ, выходит в Англии. Я, понятно, не перечисляю статей, напечатанных на Западе, докладов, прочитанных на международных конгрессах славистов и т. п. Вы правы: все это свидетельствует в первую очередь об интересе не ко мне лично, а к теме, ставшей моей профессией. Современность нуждается в разгадке — через древность. Чтобы постичь Россию XX столетия, Россию Октября, победившую

в Великой Отечественной войне, обращаются к истокам национальной истории и национального характера. Иначе едва ли объяснить, почему учебник по древнерусской литературе итальянского исследователя Рикардо Пиккьо выходит повторным изданием в массовой серии и массовым тиражом, почему древнерусскую литературу исследуют активно и повсеместно. К примеру, в ФРГ, где Л. Мюллер, Джон Феннел и польский ученый Анджей Поппэ издают специальный журнал «Руссия медиевалис». В США во главе древнерусского раздела исторической науки стоит сейчас Эдвард Киннан, дважды посещавший нашу страну в качестве стажера. Его «пафос» — разоблачение памятников. Ему почему-то очень хочется уверить себя и других, что «Казанская история», переписка Грозного и Курбского, не говоря уж о «Слове о полку Игореве», — все это подделки XVII века. Мои коллеги, в том числе Р. Скрынников, да и я, вступили в полемику с Э. Киннаном, и, вероятно, нам придется ее продолжать: спор о подлинности и поддельности памятников древнерусской культуры задевает слишком многое, чтобы можно было от него уклониться. Превосходный труд о старообрядчестве написал Сергей Зеньковский (США). В Японии работает И. Накамура.

Надеюсь, Вы поймете меня, если я прерву перечень на полуслове. Ни имен, ни названий книг все равно не исчерпать. И разве дело в длине списка?

Существует тысячелетняя великая литература с великими и бесчисленными проблемами. Познать ее неповторимость, индивидуальность, проникнуть в глубины ее эстетического сознания — значит обогатить самого познающего, способствовать его собственному развитию. Неповторимое не есть непостижимое. Чем полнее овладеваем мы другими культурами и собственным прошлым, тем богаче, гибче, более действенна наша собственная культура. Изучение древности отвечает кровным интересам современности. Оно дает нам ощущение масштабности нашего времени.

НОВИНКИ КНИЖНОЙ ГРАФИКИ

Художник И. КЫРМУ. Иллюстрации к повести Влада Иовицэ «Димитрие Водэ Кантемир». Кишинев, «Карта Молдовеняскэ», 1974.